

УДК 316.343.7

Национальная интеллигенция: репрезентация образа в советский и постсоветский периоды

Амгаланова Мария Викторовна

Кандидат культурологии,
доцент кафедры культурологии и искусствоведения,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
670031, Российская Федерация, Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1;
e-mail: amgalanova@rambler.ru

Аннотация

Россия – страна уникальной истории и выдающейся культуры. За более чем тысячу лет своего существования Россия знала как удивительные взлеты, так и драматические падения. В целом вся история российского государства как в зеркале отражается в его культуре, которая является продуктом и результатом деятельности человека. В статье рассматривается проблема формирования образа личности, где именно личность является как объектом, так и субъектом культуры. Сегодня в условиях существенной трансформации сферы социально-гуманитарных наук, возникает необходимость пересмотра и объективного анализа тех социокультурных процессов, следствием которых стали кардинальные перемены в нашей стране в целом и в Бурятии в частности после Октябрьской революции 1917 г., вызвавшие как положительные, так и негативные последствия. На примере деятельности бурятской национальной интеллигенции затрагиваются такие вопросы, как формирование образа интеллигенции в советский и постсоветский периоды. Отношение к интеллигенции в российском обществе всегда было двойственным. Поэтому актуальными остаются не только вопросы рассмотрения данного феномена в теоретическом, в частности культурологическом, аспекте, но и в практическом аспекте исследования образа национальной интеллигенции.

Для цитирования в научных исследованиях

Амгаланова М.В. Национальная интеллигенция: репрезентация образа в советский и постсоветский периоды // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 2А. С. 5-13.

Ключевые слова

Образ, личность, советская культура, национальная интеллигенция, национальная бурятская культура, панмонголизм, образ «врага».

Введение

В современных социально-гуманитарных науках одной из ключевых проблем является осмысление роли личности в общественном развитии. Личность является центральным объектом исследования различных научных направлений: философии, истории, культурологии, психологии, искусствоведения и др. Это определяет и множество подходов к пониманию данного феномена. Для нас приоритетным будет культурологический подход, позволяющий показать роль личности в культурно-историческом общественном развитии. Согласимся с мнением российского философа А.Ю. Михайличенко, согласно которому особенная трудность в определении роли личности в культуре связана с «формами духовного, политического и экономического саморазвития человека и общества, исходя из признания множества типов и форм культуры, располагающихся в определенной исторической последовательности и цикличности и в итоге образующих единую парадигму социокультурной эволюции человека» [Михайличенко, 2001, 4].

Категория личности является одной из фундаментальных, поскольку личность не является статичной, а находится в постоянном поиске и процессе развития. В целом на историю культуры можно посмотреть как с точки зрения деятельности отдельной личности, так и с позиции: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты». Поэтому практически на каждом этапе общественного развития вступают в противоборство с разной степенью конфликтности оппозиционные группы, в рамках которых зачастую определяется «враг». Е.Н. Шапинская правомерно утверждает, что подобные оппозиции основаны «на базовом непризнании Другого как полноправного участника диалога или полилога, но тем не менее продолжают преобладать в культуре, которая нуждается и в “своих”, и в “других”» [Шапинская, 2012, 34].

Социокультурные факторы формирования образа интеллигента

Особой частью любого государства всегда был и остается круг образованных и прогрессивных людей, который играет значительную роль в создании социокультурного пространства той или иной эпохи. В отечественной научно-общественной мысли люди, обладающие особенными морально-этическими и нравственными качествами, специфической системой ценностей, получили название «интеллигенция».

Интеллигенция как социокультурное явление представляет собой уникальное явление российской общественной жизни, возникновение которого относится ко второй половине XIX в. Несмотря на обширную историографию, посвященную данной проблематике (первый сборник «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» был издан в 1909 г.), сегодня нет однозначного и четкого определения понятия «интеллигенция». С одной стороны, как будто не возникает вопросов в понимании данной дефиниции, но с другой – с ней коррелируется «огромное количество неявных признаков и культурных ассоциаций, начиная от “шляпы и очков” и заканчивая “врагами народа” и “диссидентами”» [Климова, 2003, 26].

Как сама российская (изначально русская) интеллигенция, так и история ее происхождения не имеют аналогов в мире, что в первую очередь объясняется исторически присущим дуализмом власти и интеллигенции. Российская интеллигенция по своей сути представляет собой искусственное образование. У истоков ее появления лежат специфические факторы и условия общественно-исторического развития нашего государства, сформировавшие ее образ и отношение к ней в обществе. Приведем лишь некоторые из них, значимые для данной статьи.

Во-первых, само ее появление в российском обществе – результат двойственности отечественной истории, заложенной еще реформами Петра I. С одной стороны, им был сформирован ориентир на европейский уровень развития образования, экономики и даже быта, но с другой – социально-политическое государственное устройство оставалось формой восточной деспотии. По своей сути интеллигенты – это люди с европейским мышлением и мировоззрением. В западноевропейском обществе подобная группа людей могла получить реализацию своих потенций в управленческих государственных структурах, в парламенте, муниципальных органах, а российская интеллигенция была устранена от управленческого процесса, «перед русским интеллектуалом на общественном поприще были открыты только два пути: преподавательская деятельность в университете и литературно-журналистское творчество» [Ачильдиев, www].

Во-вторых, российская власть не умела по достоинству оценить интеллектуальный и духовно-нравственный потенциал интеллигенции, а следовательно, и выгодно применить их знания и умения на пользу развития государства, что привело к тому, что «интеллигенция родилась как альтернатива российской власти, а потому она уже по рождению своему всегда была оппозиционна. Причем сразу и навсегда по всему фронту: в политике, экономике, культуре, искусстве, образовании» [Там же]. Официальная власть всегда относилась к ней настороженно, зачастую проводя репрессивную политику в отношении передовой интеллигенции. Это породило своеобразный антигосударственный настрой российской интеллигенции. «В итоге: история взаимоотношений отечественной интеллигенции и властей сложилась как бесконечная, с переменным успехом, война» [Набатов, www].

В-третьих, стоит отметить своеобразную цикличность российской истории, характеризующуюся так называемыми периодами репрессий и «оттепели» в отношении интеллигенции. Исходя из ориентиров власти, в общественном российском мнении сложились диаметрально противоположные позиции: для одних интеллигенция – это «сливки общества», для других – «гнилая и трусливая» группа людей. Это свидетельствует о том, что четкой, целостной и последовательной концепции по отношению к интеллигенции выработано не было, власть меняла свою позицию в ту или иную сторону в зависимости от конъюнктуры или сугубо личных интересов, симпатий или антипатий. Но в целом в отношении интеллигенции в российском как имперском, так и советском обществе сложилась своеобразная интеллигентофобия как на бытовом, так и на государственном уровнях. Негативно к интеллигенции относились выдающиеся государственные деятели, писатели, представители философской мысли (Николай II, В.И. Ленин, П.Б. Струве, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, С.Л. Франк, Н.Я. Данилевский и др.). Отношение советской власти к представителям так называемого «старого мира», «буржуазной интеллигенции» было выражено в таких ленинских эпитетах, как «шалопаи», «бездельники», «реакционеры», «растлители», «образованные мещане», «шпенглерята», «дипломированные лакеи поповщины» и т. п.

Образ бурятского национал-демократа в советский период

Стоит отметить, что в целом на рубеже XIX-XX вв. отечественную интеллигенцию отличал антигосударственный и даже антипатриотический настрой. В европейской части России, например, интеллигенция «видела прообраз будущей России в английской политической системе» [Там же]. В Бурятии это проявилось в формировании идеологии панмонголизма, по сути представлявшего собой «один из вариантов экстерриториальной национально-культурной автономии на религиозной основе» [Курас, 2017, 18].

Появление бурятской национальной интеллигенции на рубеже XIX-XX вв. в социокультурной среде по сути феодального бурятского общества, где грамотное население составляло лишь 6-7%, можно считать уникальным явлением. Сам факт ее формирования полагается результатом политики царизма, которая заключалась в укреплении централизованного унитарного государства посредством колонизации, политической, социально-экономической и национальной унификации регионов и особенно окраин, введения жесткой цензуры. Жизнь бурятского общества этого периода ярко описана в этнографической статье «Онгоны агинских бурят» одного из виднейших представителей дореволюционной бурятской интеллигенции Ц. Жамцарано: «Тьма царит в степи. И эта тьма, это невежество, эта беспомощность в степи поддерживаются неблагоприятными условиями. До сих пор у бурят нет ни одной общеобразовательной школы, доступной массе, школы, где бы знания передавались на родном языке... И быть может еще долго буряты будут лечить своих больных посредством кровавых жертвоприношений, культа онгонов, шаманских камланий, ламских дорогостоящих гурумов, отчитываний священных книг, подаяний в дацаны и ламам и проч.» [Цит. по: Цибилов, 2003, 176].

Б. Барадин, М. Богданов, А. Доржиев, Ц. Жамцарано, Э.-Д. Ринчино, Б. Очиров, Г. Цибилов, Б. Ямпиров и другие были прогрессивными общественными деятелями, получившими признание как в России, так и за рубежом. Бурятскую интеллигенцию как особую образованную прослойку общества отличало особое общественное мировоззрение, сутью которого было критическое отношение к социально-экономической имперской политике, обусловившей достаточно трагическое положение коренного населения. Свою миссию бурятские национал-демократы (так в советской историографии принято было характеризовать национальную интеллигенцию – носителей идеологии панмонголизма) уже в начале XX в. видели в решении насущных проблем национально-культурного возрождения бурятского народа. Деятельность бурятской интеллигенции реализовывалась в контексте доктрины панмонголизма, сущность которой заключалась в идее интеграции монгольских народов в единый монгольский мир, в частности посредством национального самоопределения, а также сохранения национальной религии, языка, письменности. В целом они не просто ставили вопрос о наличии у бурятского народа возможностей для решения проблем, вызванных самой историей, но и искали возможность вхождения его в общемировой культурный процесс.

Бурятия, имевшая многовековую центральноазиатскую и общемонгольскую историю и культуру, в советской историографии представлялась как культура «младописьменного», «темного и отсталого народа», «спасенного от вымирания Великой социалистической революцией». Действительно, первая четверть прошлого столетия в целом характеризуется общим кризисом и упадком национальной культуры. Бурятия была аграрным отсталым регионом, с незавершенным процессом образования классов, с сословной и религиозной дискриминацией, фанатизмом и безграмотностью населения. Усилиями бурятской интеллигенции за короткий срок была создана социально новая светская литература, разработана концепция развития бурятского языка и письменности. Неоспоримой является их ведущая роль в развитии социально-экономических структур и сфер: науки, образования, медицины, художественной культуры.

Однако в условиях советского строя бурятские национал-демократы вызывали к себе негативное отношение со стороны власти. Правящая элита полагала, что доктрина национализма была глубоко укоренена в их мировоззренческой позиции. Такому пониманию имеется объективное объяснение. В целом сегодня политика, проводимая бурятской интеллигенцией в условиях частой смены власти и политических курсов в 1917-1923 гг., может

быть охарактеризована как противоречивая, что было обусловлено складывающейся на конкретный момент общественно-политической обстановки в регионе. Так, национальная автономия бурят была принята на I Общебурятском съезде в апреле 1917 г., но она не была поддержана Временным правительством. На основе «Декларации прав народов Сибири» – первого законодательного акта большевиков после Октябрьской революции – Бурятский национальный комитет (Бурнацком) в июле 1918 г. был признан Советской властью в качестве общественно-правового органа. Однако разваливающееся советское государство в условиях военной интервенции, гражданской войны и классовой борьбы, вносящих неопределенность в будущее бурятского народа, определили направление деятельности части руководителей Бурнацкома на реализацию идеи панмонголизма, сотрудничество с атаманом Г. Семеновым и японцами.

Представители культурной элиты заботились не только о распространении образования, внедрении научных знаний и технических достижений в повседневную жизнедеятельность, но и о создании национальной художественной культуры, языка и письменности, использовании буддийского культурного наследия, что способствовало бы сохранению национальной самоидентификации бурятского народа. Поэтому Февральская буржуазно-демократическая революция, которая провозгласила идеи освобождения и равноправия колонизованных царизмом народов, была встречена ими с восторгом, позднее принципы ленинской национальной политики в целом также стали притягательными идеями для национал-демократов. Несмотря на то, что в политических взглядах бурятской интеллигенции отражались идеи буржуазных реформаторов, анархистов, эсеров, большевиков, в большинстве своем они приняли советскую власть.

Концепция культурной политики Советского Союза была направлена на формирование нового типа личности, которая была обусловлена тотальным контролем государства как в общественных, так и в частных делах. В сознание масс внедрялась мысль о том, что нет групп со своими особыми интересами, у всех имеются только общие интересы и единые цели, т. е. шел процесс формирования монолитного общества. На наш взгляд, данный подход в полной мере отражал социальную концепцию сущности человека, в которой личность должна соотносить и подстраивать свои интересы под общественные. В 1920-1930-х гг. критике подвергается дореволюционный общественный строй бурят, а вместе с ним не только эксплуататорский класс, религиозные деятели, но и интеллигенция. В этих условиях формируется четкое очертание образа «Врага».

На первом республиканском культурно-национальном совещании (Верхнеудинск, 19 сентября 1926 г.) была дана принципиальная марксистско-ленинская оценка вредному буржуазно-националистическому уклону. С этого времени в условиях гиперцентрализации власти деятельность дореволюционной бурятской интеллигенции на все последующие десятилетия стала пониматься как контрреволюционная и концептуализироваться в таких идеологемах, как «буржуазный национализм», «панмонголизм», и привела к репрессиям.

В апреле 1929 г. И.В. Сталиным было объявлено «начало строительства социализма в отдельно взятой стране в атмосфере "растущей" классовой непримиримости» [Речь тов. Сталина..., 1931, 1]. В Бурят-Монгольской АССР начинается работа по ликвидации последствий вредительства буржуазных националистов. В периодической печати начинается кампания критики бурятской дореволюционной интеллигенции, что стало свидетельством политически расправиться с идеологами панмонголизма: Э.-Д. Ринчино и Ц. Жамцарано, наркома просвещения О. Дашидонбэ, ученых и писателей Б. Барадина, П. Дамбинова, Д.-Р. Намжилона, ученого Г. Цыбикова, просветителя и религиозного деятеля А. Доржиева и др. Для

новой власти они, несмотря на лояльность советскому государству, были все же идейно чуждым элементом. В общественном мнении в их отношении был сформирован образ «врагов народа».

Несмотря на политическую реабилитацию, начавшуюся после доклада Н.С. Хрущева, продолжала доминировать критическая оценка деятельности бурятской интеллигенции в контексте буржуазного национализма и правомерности репрессивной политики. Кроме того, критике подвергались те исследователи, которые осуществляли попытки изучения и популяризации культурного наследия репрессированных, а «политические ярлыки в отношении видных деятелей национального движения Бурятии первых десятилетий XX века вновь были введены в оборот» [Базаров, 1995, 13].

Образ бурятского национал-демократа в постсоветский период

Новый вектор в понимании роли бурятской интеллигенции был задан в конце 1980-х гг., когда осуществлялась смена методологических подходов к исследованию общественно-политических и национально-культурных процессов 1930-х гг. Восстановление исторической справедливости и возвращение в художественный и научно-образовательный процесс изъятых по политическим мотивам имен деятелей культуры и их творческого наследия обуславливают, в свою очередь, процесс формирования нового образа бурятской интеллигенции. Последний процесс достаточно трудный и кропотливый и еще далек от завершения. В современной социально-культурной практике ему способствует целый ряд общественно-политических (разработка нормативно-правовых актов федерального и регионального значения, создание банка репрессированных по политическим мотивам, допуск к архивным материалам), научно-образовательных (проведение конференций, издание научно-публицистической литературы, введение в образовательный и воспитательный процесс), художественно-творческих (проведение «уроков памяти», книжных выставок, литературно-творческих вечеров) мероприятий.

Особое место занимает формирование образа отдельной личности в культуре, «так как культура есть весь мир, в котором человек находит себя и выражает свою родовую природу, свою сущность» [Михайличенко, 2001, 4]. В этом аспекте важное значение приобретает увековечивание памяти творческого наследия, просветительской и общественной деятельности бурятской национальной интеллигенции: открытие музеев и мемориальных мест; проведение различных мероприятий и тематических конференций, посвященных юбилейным датам; присвоение улицам, социокультурным учреждениям имен.

На наш взгляд, более всего этому будет способствовать музейная деятельность, поскольку музей является отражением культуры и культурной памяти, средством сохранения культурного наследия и национальной самобытности. Деятельность музеев всего мира определяется как целенаправленная в «реализации его миссии и социальных функций, осуществляемая с учетом определенного культурного и политического контекста и государственной политики в области культуры» [Морозова, 2017, 101]. Ярким примером может служить дом-музей А. Доржиева, открытый еще в 1999 г. Музей представляет собой бревенчатый дом, в котором когда-то жил известный религиозный деятель. В фондовой коллекции находится 1430 единиц хранения [Дом-музей..., www]. Это восковые фигуры самого Агвана Доржиева, его ученика Далай-ламы XIII, Его Святейшества Далай-ламы XIV, известного врача-тибетолога, друга и соратника Агвана Доржиева Хамбо ламы Иролтуева, а также личные вещи и копии старинных буддийских книг, протоколы ареста и допросные листы.

Заключение

Исторически Россия является многонациональным и многоконфессиональным государством с очень богатым и разнообразным историко-культурным наследием. Одним из противоречивых этапов истории России является советский период, когда были созданы мощная экономика, доступная медицина, лучшая в мире система образования, богатейшая художественная культура. Однако, наряду с безусловными достижениями, в СССР было множество противоречий, вступивших в конфликт с общепризнанными человеческими ценностями. Сотни тысяч людей были репрессированы за инакомыслие. Сегодня в политической и культурной жизни Бурятии актуальными продолжают оставаться проблемы, поднимаемые бурятской интеллигенцией в первой трети XX в.: сохранение языка, своеобразие эстетической природы национальной культуры, выявление этнопоэтического пласта художественного сознания. Но главной остается задача возвращения в социокультурный процесс изъятых в ходе репрессивной политики 1930-х гг. имен, научного и литературного наследия репрессированных деятелей культуры.

Библиография

1. Ачильдиев С.И. Постижение Петербурга: в чем смысл и предназначение Северной столицы. URL: <https://history.wikireading.ru/358025>
2. Базаров Б.В. Общественно-политическая жизнь 1920-1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.
3. Дом-музей Агвана Доржиева. URL: <https://buriatia.drugiegoroda.ru/attractions/13955-dom-muzej-agvana-dorzhieva>
4. Климова С.М. Мифы о русской интеллигенции: вехи XX века («начала» и «концы») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2003. Т. 3. № 5. С. 26-36.
5. Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века. Иркутск: Оттиск, 2017. 188 с.
6. Михайличенко А.Ю. Образ человека в культуре тоталитарного общества: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Томск, 2001. 24 с.
7. Морозова Е.В. Внешние факторы формирования музейной политики // Мировое культурное наследие и музеи: история, проблемы и перспективы. Томск, 2017. С. 100-109.
8. Набатов Г.В. Российская интеллигенция и советская власть (1917-1930 гг.). URL: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/25.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990200_West_MO_2004_1(2)/25.pdf)
9. Речь тов. Сталина и задачи РАПП // На литературном посту. 1931. № 1. С. 1-9.
10. Цибиков Б.Д. Бурятские ученые национал-демократы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2003. 249 с.
11. Шапинская Е.Н. Образ Другого в текстах культуры. М.: КРАСАНД, 2012. 216 с.

The national intelligentsia: the representation of the image during the Soviet and post-Soviet periods

Mariya V. Amgalanova

PhD in Cultural Studies,
Associate Professor at the Department of cultural studies and study of art,
East-Siberian State Institute of Culture,
670031, 1 Tereshkovoy st., Ulan-Ude, Russian Federation;
e-mail: amgalanova@rambler.ru

Abstract

Russia has a unique history and outstanding culture. It has known both amazing ups and dramatic falls for more than a thousand years of its existence. The article points out that the history of the Russian state is reflected in its culture. Culture is a product and a result of human activity. The article deals with the problem of forming an image of a personality, where a personality is both an object and a subject of culture. Today, there is a transformation in the sphere of social sciences and the humanities, there is a need to revise and objectively analyse the socio-cultural processes, fundamental changes in our country and in Buryatia. After the October Revolution of 1917, these changes had both positive and negative consequences. The author draws attention to the formation of the image of the intelligentsia during the Soviet and post-Soviet periods, using the activities of the national Buryat intelligentsia as an example. Historically, the attitude towards the intelligentsia in Russian society has always been ambivalent. Therefore, not only the issues of consideration of this phenomenon in the theoretical aspect (in particular the cultural one) remain relevant, but also the practical aspect of the study of the image of the national intelligentsia is considered to be important.

For citation

Amgalanova M.V. (2019) Natsional'naya intelligentsiya: reprezentatsiya obraza v sovetskii i postsovetskii periody [The national intelligentsia: the representation of the image during the Soviet and post-Soviet periods]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 9 (2A), pp. 5-13.

Keywords

Image, personality, Soviet culture, national intelligentsia, national Buryat culture, Pan-Mongolism, "enemy" image.

References

1. Achil'diev S.I. *Postizhenie Peterburga: v chem smysl i prednaznachenie Severnoi stolitsy* [Comprehending Petersburg: the meaning and purpose of the Northern capital]. Available at: <https://history.wikireading.ru/358025> [Accessed 19/03/19].
2. Bazarov B.V. (1995) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' 1920-1950-kh godov i razvitie literatury i iskusstva Buryatii* [The sociopolitical life of the 1920s-1950s and the development of literature and art in Buryatia]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.
3. *Dom-muzei Agvana Dorzhieva* [The House Museum of Agvan Dorjiev]. Available at: <https://buryatia.drugiegoroda.ru/attractions/13955-dom-muzej-agvana-dorzhieva> [Accessed 19/03/19].
4. Klimova S.M. (2003) Mify o russkoi intelligentsii: vekhi XX veka ("nachala" i "kontsy") [Myths about the Russian intelligentsia: the milestones of the 20th century ("beginnings" and "ends")]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the Herzen State Pedagogical University of Russia], 3 (5), pp. 26-36.
5. Kuras L.V. (2017) *Panmongolizm kak proyavlenie etnichnosti mongol'skogo mira v pervoi chetverti XX veka* [Pan-Mongolism as a manifestation of the ethnicity of the Mongolian world in the first quarter of the 20th century]. Irkutsk: Ottisk Publ.
6. Mikhailichenko A.Yu. (2001) *Obraz cheloveka v kul'ture totalitarnogo obshchestva. Doct. Diss. Abstract* [The image of man in the culture of a totalitarian society. Doct. Diss. Abstract]. Tomsk.
7. Morozova E.V. (2017) Vneshnie faktory formirovaniya muzeinoi politiki [External factors in the formation of a museum policy]. In: *Mirovoe kul'turnoe nasledie i muzei: istoriya, problemy i perspektivy* [The world cultural heritage and museums: the history, problems and prospects]. Tomsk, pp. 100-109.
8. Nabatov G.V. *Rossiiskaya intelligentsiya i sovetskaya vlast' (1917-1930 gg.)* [The Russian intelligentsia and the Soviet power (1917-1930)]. Available at: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990200_West_MO_2004_1\(2\)/25.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990200_West_MO_2004_1(2)/25.pdf) [Accessed 19/03/19].
9. Rech' tov. Stalina i zadachi RAPP [Stalin's speech and the objectives of the Russian Association of Proletarian Writers] (1931). *Na literaturnom postu* [On literary guard], 1, pp. 1-9.

-
10. Shapinskaya E.N. (2012) *Obraz Drugogo v tekstakh kul'tury* [The image of the Other in cultural texts]. Moscow: KRASAND Publ.
  11. Tsibikov B.D. (2003) *Buryatskie uchenye natsional-demokraty* [Buryat scholars from the National Democrats]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.